НОВОЕ ВРЕМЯ

№6 9 февраля 2003

Позиция

Егор Гайдар: классовый инстинкт партии власти тормозит реформы

Импульс реформам, который был дан в 2000 году, к 2002-му практически выдохся. Нельзя сказать, что не было сделано вообще ничего: принят, скорее по инерции, набор достаточно серьезных решений, важнейшие из которых – это закон об обороте сельскохозяйственных земель, хотя он и прошел в изуродованном виде; пакет законов о судебной реформе, тоже во многом выхолощенный, однако зафиксировавший такую необходимую норму, как судебный характер ареста. Но в целом говорить о том, что правительство в 2002 году проводило некую последовательную политику либеральных реформ, направленную на решение стратегических задач страны, невозможно: такой политики просто не было.

Причиной ее отсутствия часто называют предстоящие выборы. В какой-то степени это так: те, кто работает в Думе, чувствуют, как с приближением выборов растет градус популизма в парламенте, насколько труднее становится принимать любые осмысленные решения и насколько легче проходят популистские прожекты. Тем не менее решусь предположить, что предстоящие выборы – отнюдь не главный фактор перелома в динамике реформ, который произошел в 2002 году. Не надо забывать о другом важном обстоятельстве: в 2001 году шел процесс постепенного формирования новой партии власти – «Единой России». И если в 2000-м, в начале 2001-го фракция «Единство» была неплохим инструментом, который власть использовала для проведения в жизнь либеральной повестки дня, то по мере структурирования этого политического конгломерата – «Единой России» – стало видно, что он начинает все в большей и большей степени оказывать влияние на саму политику, которую вырабатывает власть.

Конечно, люди в состав «Единой России» входят разные: там сосуществуют те, кто готов выполнять любые указания власти, и искренние консерваторы; сторонники партии реванша и защитники господствующих высот, занятых региональными баронами... Но все-таки по своему характеру, по своей структуре «Единая Россия» – это партия российской бюрократии. А у российской бюрократии есть свои классовые интересы.

В продвижении реформ мы подошли сегодня к тому моменту, когда принципиальные вопросы решать предстоит не в чисто экономической сфере, а в сфере государственного устройства, в сфере функционирования власти. Не может не волновать

коррупция власти, не могут не волновать функционирование судебной системы и в этой связи гарантии прав собственности. Общество требует, чтобы власть была некоррумпированной, прозрачной, подконтрольной. А российская бюрократия совершенно откровенно демонстрирует свое неприятие этих rpeanb`mhi. Некоррумпированная? Прозрачная? Подконтрольная? Да никогда!

И вот этот классовый инстинкт партии власти, инстинкт, добавлю, абсолютно осознанный, все в большей степени проявляется в практически реализуемой политике, все в большей степени тормозит те реформы, которые необходимы стране для того, чтобы обеспечить базу устойчивого экономического роста.

Налоговая реформа практически остановилась, реформа бюджетных расходов и не начиналась, нет ни малейших признаков серьезного продвижения в реформе системы здравоохранения и образования, не началась административная реформа, по поводу военной реформы идут тяжелые бои. Короче говоря, ряд важнейших реформ, без которых устойчивый рост в России невозможен, сегодня практически остановлен. Это очень опасный процесс, который мы видели в 2002 году и, боюсь, будем, к сожалению, видеть дальше.

Из доклада на Совете партии «Союз правых сил»